

УДК 94(47).082+083

«Над схваткой»: позиция власти в конфликтах между старожилами и переселенцами по ходу Великого сибирского переселения

А. К. Кириллов

*Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск*

А. Г. Караваева

Государственный архив Томской области, г. Томск

Аннотация. Несмотря на явное нарушение переселенцами действующих законов, власти не спешили вмешаться в конфликт, поддержав чью-либо сторону. Власть в лице губернатора признавала за каждой из сторон свою правду и предоставляла возможность бороться (в известных рамках) за свои интересы. Этот вывод существенно меняет представление о царской России как стране принуждения и несвободы, пронизанной снизу доверху полицейским аппаратом.

Ключевые слова: Алтайский округ Кабинета ЕИВ, столыпинское переселение, приёмный приговор, крестьянское самоуправление, община, губернское правление, крестьянский чиновник.

Столыпинское переселение в истории Сибири – веха, сопоставимая по значению с отменой крепостного права в Европейской России. Явный переход на новый качественный уровень, совершённый Сибирью в годы массового притока крестьян, обречён на вечное внимание всех, кто обращает взор к Сибири последнего предреволюционного столетия. Первыми историками переселения стали сами его организаторы, правительственные чиновники, подытожившие переселенческую эпопею солидным трёхтомником в сопровождении роскошного картографического фолианта [1–2]. «Наиболее интересным и живым в ряду правительственных работ того времени» назвал переселенческое дело один из активных переселенческих деятелей В. Ф. Романов [11, с. 143]. Перемещение трёх миллионов крестьян за тысячи километров, да ещё с дальнейшим созданием ими собственных хозяйств, было, конечно, технически трудным мероприятием по освоению российских просторов. Руководители переселения имели основания гордиться его результатами.

Но эти-то публикации, вполне добротные с точки зрения целей Переселенческого управления, увели историческую науку в сторону от уяснения.

Советские историки долгие годы пытались вослед дореволюционным публицистам доказать несостоятельность переселенческой эпопеи прокля-

того самодержавия, обрекшего несчастных крестьян на страдания в далёкой Сибири [12]. Несостоятельность этих попыток показала та работа В. Г. Тюкавкина, в которой он подытоживал свой исследовательский путь [13]. Сам он в советское время участвовал в создании антистольпинской легенды, поэтому именно его заявление о несостоятельности этих построений наиболее показательны для понимания их слабости.

Почти вековая перебранка на тему производительности переселения как политики по заселению Сибири увенчалась, таким образом, признанием очевидного. И это ставит вопрос о неочевидном. Для чего нужно изучать переселение? Сам В. Г. Тюкавкин «пристегнул» главу о переселении к книге, посвящённой столыпинской реформе. Но переселение в Сибирь – это не борьба с общиной, которая составляет суть и смысл столыпинской реформы. Веху в историографии составила книга А. В. Ремнёва [10], сумевшего связать несколько «героических эпох» сибирского освоения единой логикой выработки особой системы местного управления. Но автор не случайно ограничился Дальним Востоком: здесь действительно создавалась особая система. Между тем, львиную долю переселенческого потока приняла Западная Сибирь, а здесь к началу столыпинского переселения особенности управления не выходили за рамки символических особенностей, связанных главным образом с отсутствием поместного дворянства (крестьянские начальники вместо земских начальников). Освобождение Тобольской и Томской губерний от генерал-губернаторского надзора в 1880-е гг., дополненное губернской, судебной и податной реформами 1890-х гг., есть признак выравнивания управленческой системы по общероссийскому стандарту как раз в том районе, который явил миру самые впечатляющие успехи в короткие десятилетия начала XX в.

Важная веха в изучении столыпинского переселения связана с работой барнаульских авторов [9]. Её изюминка – статистический анализ 13 тыс. подворных анкет переписи 1917 г. на Алтае. Это нужно авторам для изучения технологий адаптации переселенцев в Сибири. Явление, которое прежде укрывалось за кратким понятием «крестьянское хозяйство», предстаёт во всём своём разнообразии. Выясняется, например, что земледелие, животноводство и промыслы играли разную роль у старожилов и у новосёлов (и именно на земледелие опиралась адаптационная стратегия переселенцев). Таким образом, изучение переселения вышло на более глубокий уровень, дающий качественно новое понимание как самого переселения, так и связанных с ним явлений экономики и культуры. В конце концов, речь идёт о понимании той эпохи, которая опиралась на частную инициативу и на инициативность простых людей.

Продолжение исследований на этом, «технологическом» уровне требует новых источников. Один из таких источников – дела Томского губернского управления о конфликтах старожилов и переселенцев. Именно конфликты, столь тягостные для современников, особенно ценны для историка: они нарушают кажущееся спокойствие текущей в рамках инструкций жизни и позволяют приглядеться к тем движущим силам общества, столкновение

которых и обеспечивает появление архивных документов. Переселение как предмет изучения превращается, таким образом, из освоенческого мероприятия в явление бурной и сложной общественной жизни.

Принципиально важно наличие не отдельных жалоб или постановлений, но целых подборок, к которым применимо то, что на языке экономистов называется *case study*. Изучение отдельных случаев ценно настолько, насколько оно позволяет не просто определить правых и виноватых, но взглянуть на дело «разными глазами» и увидеть две (по меньшей мере) правды.

Данная статья опирается на материалы четырёх дел, разбросанных по времени на отрезке в третью часть века (от начала 1880-х до 1916 г.) [3–6]. Это существенно больше, чем срок собственно столыпинского переселения (как минимум снизу ограниченного приходом П. А. Столыпина во главу правительства). То, что этап большого переселения отодвигается вглубь до эпохи Транссиба (1890-е гг.), не удивительно. Хорошо известна и роль железной дороги (облегчившей крестьянам переезд в Сибирь), и роль Комитета Сибирской железной дороги (начавшего материальную поддержку переселения) [7], и довольно значительные масштабы переселения в эти годы (десятки тысяч крестьян). Более удивительным может показаться включение 1880-х гг., когда переселение измерялось тысячами человек ежегодно (на два порядка меньше того, что будет при Столыпине). Тем не менее уже в эти годы «кризис переполнения буфера» проявился в полной мере. Поскольку переселенцы тянулись по стопам своих предшественников, распределение их по Сибири отнюдь не было равномерным. Шли туда, куда звали прежде ушедшие земляки. Старожильческие селения даже с роскошными земельными наделами по 30, 40, 50 десятин в считанные годы оказывались переполнены. Пусть не по масштабам освоения новых земель, но по накалу общественного напряжения начало 1880-х гг. – неотъемлемая часть того явления, удачное имя которому дал шесть десятилетий назад американец Д. Тредголд: Великое сибирское переселение [14].

Столкновения между старожилами и переселенцами – явление острое. Источники неоднократно сообщают о побоях, отъёме имущества, «разломе домов», угрозах убийства; в самом раннем из наших случаев (в Ново-Тырышкино) есть основания предполагать смерть переселенца от побоев, в самом позднем (в Сартаково) семилетнее противостояние вылилось в обоюдное убийство (по одному человеку из старожилов и переселенцев). Враждующие стороны жаловались и крестьянским чиновникам, и губернаторам, и столичному начальству, до государя императора включительно. Чиновники неоднократно выезжали на места событий, составляли докладные записки, отписывались в столицу. Следовательно, нет оснований считать, что речь идёт о мелких спорах, прошедших мимо внимания властей. Тем не менее власти не спешили навести порядок и старались отделаться разъяснениями и советами. Как совместить этот факт с образом всепроникающего самодержавия, которое претендует контролировать не только передвижения своих подданных (крестьянский паспорт), но даже мысли (обязательная исповедь) и держит полстраны в положении «усиленной охраны»?

Прежде всего, следует прояснить формальную сторону дела. По закону для причисления переселенцев к обществу (крестьянской общине) требовалось согласие тех обществ, членами которых переселенцы хотят стать. Согласие же оформлялось приёмным приговором сельского схода. Таким образом, в случае возникновения противоречий между старожилами и переселенцами решение, вообще говоря, должно было следовать автоматически: есть приговор – у старожилов нет права на претензии, нет приговора – старожилы имеют безоговорочное право выгнать переселенцев.

Однако на деле «автоматика» не действовала. Когда начинались разбирательства, чиновники обязательно указывали старожилам на то, что поначалу они сами пустили переселенцев и наверняка чем-то с них попользовались: нанимали их в работу, продавали им свои старые дома. И значит, есть их вина в том, что переселенцы задержались в селении и обзавелись хозяйством, которое не могут теперь покинуть без того, чтобы разориться.

Сколь важны были соображения справедливости, показывает система доводов, подкрепляющих вердикт губернских властей по новошуйбинскому делу (он изложен в отношении к столичной канцелярии прошений на высочайшее имя от 5 марта 1910 г.). Переселенцы, говорится в документе, поселились без согласия общества, почему и облагаются «так называемой полеточной платой». Главный козырь: «Заявление жалобщиков о том, что общество обложило их огульно по 40 р. за усадьбу и по 3 р. за голову скота, опровергнуто местным крестьянским начальником, который удостоверил, что вознаграждение с каждого непричисленного члена взыскивается смотря по общему его состоянию и по величине и удобству занятого им участка» [6, л. 31 об.].

Автор отношения совершенно прав: крестьянский начальник в своём рапорте действительно опроверг наличие твёрдого «тарифа». И это опровержение представляет собой явную ложь, что отлично видно из материалов, бывших в распоряжении губернского управления. Заявление крестьянского начальника противоречит не только жалобе переселенцев, но и декабрьским объяснениям сельского старосты, представляющего интересы старожилов! Вот что писал староста: «По приговору общества на всех непричисленных переселенцев в этом году была наложена арендная плата за занятые усадьбы по 40 руб. и за лошадей, рогатый скот и овец по 3 руб. за каждую голову» [6, л. 11]. На поле напротив этих строк значится: «Неправда» – и подпись крестьянского начальника. И дальше, в его собственном рапорте – практически те же самые слова, которые мы видели в высказывании губернского управления («не огульно, а по состоянию»).

Поскольку простарожильческая позиция новошуйбинского старосты, безусловно, видна из документов дела, предположить с его стороны клевету на старожилов (в том числе и на самого себя) невозможно. Притом все без исключения суммы исков общества в волостной суд против каждого из четырёх десятков переселенцев раскладываются по формуле: $z = 3x + 40y$, где z – сумма долга обвиняемого, x – число голов скота (от 1 до 6), y – число усадеб (равное 0 или 1). Минимальная сумма долга – 3 руб., наивысшая – 58 (6, л. 15–24 об.). Более того, в решении волостного суда читаем: «Дове-

ренный [от общества] Рыбалко иск о[общест]ва подтвердил, предоставив суду приговор о[общест]ва, которым оно обложило разночинцев арендной платой, причем добавил: с Михаила Кобзева он получил следующие с него деньги 6 руб., но не 12 – ибо у него только лошадь да корова» (6, л. 16–16 об.). Которые – продолжим мы недосказанное – и обложены по 3 руб. за голову.

Таким образом, «такса» новошуйбинских старожилов выдаёт себя, несомненно. И крестьяне не скрывают наличия этой таксы – потому что она не противоречит закону. Скорее, наоборот: именно единая для всех (лишённая субъективизма) шкала оценок настойчиво внедрялась в эти же самые годы в деле раскладки податей крестьянскими обществами [8]. Для старожилов было естественно, что переселенцев надо обложить по единой ставке. Но чиновникам требовалось доказательство справедливости, хотя бы и поддельное. Требовалось доказательство того, что они руководствуются не буквой, а духом закона, стремящегося ко всеобщему благу.

Но этим удивительные открытия не ограничиваются. Оказывается, что чиновники – группа далеко не монолитная. Если даже отвлечься от подробностей, связанных с личной и ведомственной конкуренцией, можно выделить несколько подгрупп.

Ближе всего к крестьянам стоят крестьянские чиновники (с 1898 г. они именовались крестьянскими начальниками). Каждый из них руководил лишь несколькими волостями, регулярно бывал в деревнях, непосредственно общался с участниками конфликтов. Личный опыт общения делал их в этих столкновениях не сторонними наблюдателями, но заинтересованной стороной – как правило, враждебной к переселенцам. Показателен в этом смысле ответ чиновника 2-го участка Бийского округа, излагавшего своё мнение по Огневскому столкновению. Не пытаясь скрыть те факты, которые огневские старожилы всё же пытались замаскировать (о найме ими переселенцев и о продаже им же домов на начальной стадии общения), чиновник трактует эти факты в пользу старожилов. По его словам, всё это были заранее просчитанные ходы переселенцев, которые остановились в селении «будто бы временно, под предлогом для заработков», а затем начали являть своё коварство. Мету запальчивости чиновника особенно ярко являет случай переселенки Ф. Заздравных. Автор документа не скрывает, что в тот момент, когда её «просто толкнул» (так, что она упала) один из старожилов, женщина была беременна. Но и этот факт не смущает чиновника, который делает вывод о том, что жалобы переселенцев на притеснения старожилов безосновательны [5, л. 39–42].

Помимо личного отношения, от чиновника требуются практические предложения. Они не всегда одинаковы. В. Кондратенко, столкнувшись с конфликтом в Сартаково, настаивал на выселении общественно опасных переселенцев. Уже упоминавшийся чиновник 2-го Бийского участка, вопреки своей же тенденции, полагал возможным причислить переселенцев против желания старожилов. Ещё один чиновник Бийского округа, Е. Лущиков, в один день умудрился отправить губернатору два противоречивых ответа, чем немало удивил секретаря губернского правления. В одном он высказал-

ся критически по адресу старожилов, в другом предложил принудительно выселить переселенцев [5, л. 11–12, 16]. Похоже, что некоторые крестьянские чиновники пытались подстраиваться под ожидаемое (но не вполне предсказуемое) мнение начальства. И правда: грубой физической силой располагали не они, а полиция в лице уездного исправника.

В разительном противоречии с образом держиморды, всегда готового «тащить и не пущать», отметившиеся в наших делах исправники оказались совсем не воинственными. В двух наиболее напряжённых случаях (в Новотырышкино и Сартаково), когда речь заходила о принудительной высылке переселенцев, начальники уездной полиции, выказывая враждебное отношение к переселенцам («означенные переселенцы действительно являются вредными и опасными для Сартаковского общества, производя у него самовольную запашку усадебных мест, пользуясь общественными выгонами и землей и вырубая общественные леса, при упорном нежелании уплачивать какие-либо сборы и постоянных угрозах населению» [3, л. 1]), вместе с тем указывали изъёмы в позиции старожилов, иной раз довольно натянутые. Если А. Новогонский в новотырышкинском деле пенял старожилам на продажу домов переселенцам (что, закрывая глаза на некоторое упрощение, можно считать правдой), то в сартаковском деле исправник выдвигал диковинный упрёк в «инертности», из-за которой будто бы крестьяне упустили возможность «решительными мерами пресечь» действия самовольцев. Первый из этих двух исправников предлагал решить проблему за счёт официального землеустройства по договорённости с руководством Алтайского округа (отрезать у старожилов «лишние» земли и оставить переселенцев на своих местах), второй отправлял переселенцев искать справедливости в суде (несмотря на имеющиеся решения волостного суда). Общее здесь то, что позиция исправников выдаёт их нежелание создавать себе «лишние неприятности».

По существу, и исправники, и крестьянские чиновники в деле разрешения крестьянских конфликтов выступают лишь помощниками губернатора, который и является главным воплощением понятия «власть». Если нижестоящие чиновники могли высказать мнение и переложить решение на чужие плечи, то губернатору надо было принимать какое-то решение.

Высказывания губернаторов показывают, что они стремились разрешить проблему при минимуме грубых действий и минимуме перемен сложившегося *status quo*. И поскольку «положительное» решение требовало либо применения грубой силы (для выдворения переселенцев), либо нарушения закона (принудительная приписка к старожилам), губернаторы старались принимать решения «отрицательные». Подателям жалобы (которая и служила основанием для разбирательства) разъяснялась их неправота (старожилам – что напрасно пустили к себе переселенцев, новосёлам – что напрасно поселились без приёмных приговоров) и на этом основании по жалобе давался отказ. При этом крестьянским чиновникам поручалось подталкивать обе стороны к мирному решению конфликта (наиболее очевидное – выдача приёмного приговора за умеренную плату) и разъяснять: старожилам – недопустимость антипереселенческих погромов, а переселенцам – невозможность оставаться без приёмных приговоров.

Парадокс состоит в том, что в большинстве случаев эта тактика сработала, хотя решения губернатора в строгом смысле слова не выполнялись. Переселенцы продолжали пахать, не будучи причисленными (но некоторые, не выдержав давления старожилов, уезжали). Старожилы продолжали бить переселенцев, разламывать постройки, отбирать хозяйственные принадлежности (но селения всё-таки заполнялись вплоть до полного исчерпания нераспаханных земель). Проблема постепенно сходила на нет по мере исчерпания залежей, пастбищ и запасных земель. Жизнь продолжалась, на этом фоне разбитые носы и разломанные сараи выглядели несущественной подробностью.

Предел допустимой по меркам губернатора вседозволенности показал, уже под занавес эпохи, сартаковский случай. Здесь в 1916 г., после семилетних обоюдных жалоб, стычек и угроз, наконец произошло убийство, о возможности которого заблаговременно предупреждал крестьянский начальник. Один из старожилов застрелил переселенца, распаивающего земли членов общества, а брат убитого зарубил обидчика косой. Это резко изменило поведение администрации. До суда и тюрьмы дело так и не дошло, но переселенцы были, по крайней мере, выселены административным порядком за пределы губернии.

Таким образом, власть в лице губернатора на протяжении всего периода острых переселенческих конфликтов оказывалась достаточно осторожной в общении с крестьянами. Руководствуясь не буквой закона, но практическими соображениями, власть стремилась не ущемить своими собственными действиями интересы крестьян (хотя бы при этом и допуская ущемление крестьян – крестьянами). Сила применялась лишь в таком чрезвычайном случае, как убийство. Во всех прочих случаях власти разьясняли жалобщикам с обеих сторон их прегрешения против закона и против справедливости, но грубую силу не использовали.

Предельная монополия на центральную власть и на политическую деятельность сочеталась до революции с большой свободой местной жизни. Это не была та идиллическая свобода, «золотой луч» которой несёт справедливость и счастье. В эту свободу вполне укладывались захват и уничтожение чужого имущества, запашки чужих земель, угрозы физической расправы и действительные избиения. Но это было то пространство, в котором достижения человека определялись им самим: его силой, настойчивостью, изобретательностью и решительностью в борьбе за своё дело. Губернаторы сменялись, а пространство свободы оставалось: оно зависело не столько от произвола властей, сколько от давно сложившейся традиции. Именно в этой атмосфере закалялась личность крестьянина – опоры дореволюционного российского общества.

Список литературы

1. Азиатская Россия. – СПб. : Изд. Переселенч. упр. ГУЗиЗ, 1914. – Т. 1–3.
2. Атлас Азиатской России. – СПб. : Изд. Переселенч. упр. ГУЗиЗ, 1914. – 138 с.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-3. Оп. 12. Д. 1382 (д. Сартакова).

4. ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9 (с. Ново-Тырышкино).
5. ГАТО. Ф. Ф-3. Д. 382 (д. Огнева).
6. ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 1025 (с. Ново-Шульбинское).
7. *Канн С. К.* Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по естественнонаучному изучению Сибири в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. К. Канн. – Новосибирск, 2011. – 22 с.
8. *Кириллов А. К.* «Раскладку подати произвести не прежним порядком...»: раскладки казённых и мирских сборов крестьянами Богородской волости Томского уезда в начале XX в. / А. К. Кириллов, А. Е. Панова // Экон. ист. – 2014. – № 3 (26). – С. 24–30.
9. *Разгон В. Н.* Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация / В. Н. Разгон, А. А. Храмов, К. А. Пожарская. – Барнаул : Азбука, 2013. – 348 с.
10. *Ремнёв А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. / А. В. Ремнёв. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – 552 с.
11. *Романов В. Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг. / В. Ф. Романов. – СПб. : Нестор-история, 2012. – 336 с.
12. *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляров. – Л. : [б. и.], 1962. – 588 с.
13. *Тюкавкин В. Г.* Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. – М. : Памятники ист. мысли, 2001. – 304 с.
14. Treadgold, Donald W. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. – Princeton : Princeton University Press, 1957. – 278 p.

«Above the Fray»: Position of Authorities in Conflicts between Migrants and Old-Timers in the Course of the Great Siberian Migration

A. K. Kirillov

*Institute of History SB RAS, Novosibirsk
Novosibirsk State University, Novosibirsk*

A. G. Karavayeva

State Archive of Tomsk Region, Tomsk

Abstract. Despite the evident breach of laws by peasant migrants to Siberia, the authorities would not reveal inclination to intervene the conflicts. The authorities in the person of governor would reserve the right to have its own truth for each of the sides and would offer peasants the opportunity to struggle for their interests within certain limits. This conclusion alters significantly the image of the pre-revolutionary Russia as a country of compulsion and unfreedom, controlled from top to bottom by the police.

Keywords: Altai district of the emperor's cabinet; Stolypin's migration; admission act (*priyomny prigovor*); peasant self-government; peasant commune; governor's office; peasant captain (*krestyansky nachalnik*).

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук, доцент
Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Новосибирский государственный
университет
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2
тел.: 8(383) 330-38-21
e-mail: alkir.nsk@gmail.com

Kirillov Alexey Konstantinovich
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor
Institute of History of the SB RAS
8, Nikolayeva st., Novosibirsk, 630090
Novosibirsk State University
2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090
tel.: 8(383) 330-38-21
e-mail: alkir.nsk@gmail.com

Караваева Анастасия Геннадьевна
директор
Государственный архив Томской области
634009, г. Томск, ул. Водяная, 78
тел.: 8(3822)40-23-24
e-mail: anast@post.tomica.ru

Karavayeva Anastasiya Gennadievna
Director
State Archive of Tomsk Region
78, Vodyanaya st., Tomsk, 634009
tel.: 8(3822)40-23-24
e-mail: anast@post.tomica.ru